

СЛОВЕСНЫЕ ФОРМУЛЫ
ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В СЛАВЯНСКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
СОЧИНЕНИЯХ XVI–XVII ВВ.*

Словесные формулы, являясь устойчивым выражением «культурного смысла» (Ассман 2004: 20), обеспечивают культурную идентичность, культурную память и культурную преемственность. Императивы разных типов и вариантов культуры определяют концептуальную направленность, «идеосемантику» (Абаев 1934) и состав словесных формул. Будучи ценностным культурным ориентиром, словесные формулы не только используются, но также идеологически и филологически толкуются носителями культуры. Соответственно, исследовательская задача состоит и в определении структурно-функционального статуса словесных формул, и в выявлении характера их толкования в рамках определенной культурной эпохи.

Императивом христианской культуры являлась идея *спасения*, поскольку в христианстве Бог предстал как сила *спасительная, спасающая* людей от их грехов, и это «действие» Бога-Сына в тварном мире ознаменовало новый этап во взаимоотношениях человека с Богом. Словесные формулы, выражающие идею *спасения*, будучи базовыми формулами, не только определяли литургический и молитвенный опыт, но и осмыслились посредством богословского опыта, одной из форм которого являлся опыт филологический. Филологическая рефлексия, фиксировавшаяся в словарях, грамматиках и орфографических трактатах, была направлена на «раскрытие» собственно языковой семантики и идеосемантики компонентов словесных формул. При этом внимание к собственно языковым проблемам словесных формул было мотивировано общими теоретическими установками, определяющими *правильность* или/и *понятность* литературного языка.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-04-00264а «Словесные формулы славянского мира: метатеория и эмпирия».

В культурно-языковом пространстве *Slavia Orthodoxa* лингвистическая мысль была обращена на поддержание *правильности* церковнославянского языка посредством снятия формальной недостаточности и формальной избыточности (см. подробно: Запольская 2003: 45–96). Именно в таком концептуальном контексте рассматривались компоненты словесных формул в славянских лингвистических сочинениях XVI–XVII вв.: в азбуковнике *Книга глѣмаѡ алфавитъ содержаща в себѣ толкование неѹдобразѹмеваемыхъ речен...*, в орфографическом трактате *Сила соѹществѹ книжнаго писма*, в анонимных грамматических трактатах *Книга глѣмаѡ вѣквы грамотичнаго оѹченіѡ* и *Начало книзѣ глѣмей граматики*, находящихся в грамматическом сборнике 1620 г., в грамматике Мелетия Смотрицкого *Грамматіки Славенскіѡ правилное Сѹнтагма* 1619 г., в грамматиках 1648 и 1721 гг., являвшихся редакциями грамматики Смотрицкого, и в грамматическом трактате Ф. Поликарпова *Хѹдожество грамматическое* (около 1720 г.).

В центре филологического внимания славянских книжников были божественные имена, организующие словесные формулы, которые задавали образец молитвенного обращения: *Гсе хсе/ Спсе / Слове ... спаси ма/насъ*. (см. подробно: Запольская 2007: 133–150).

Лингвистическая рефлексия над именем *Иисус*, осуществлявшаяся в рамках любых языков, предполагала выявление идеосемантики и особого характера употребления этого имени применительно к Богу-Сыну по сравнению с другими лицами Библии, т.е. решение проблемы тезоименности. Согласно богословскому толкованию, имя *Иисус* становится именем Бога, только будучи наделено особой семантикой, поскольку многие носят имя *Иисус*, но один *Спаситель всех – Иисус Христос*.

В азбуковнике имя *Иисус* как имя Бога получало исходную семантическую характеристику, а имя Иисус как имя человека было представлено в именной формуле, задающей дополнительный семантический признак, указывающий на конкретного носителя имени в библейской картине мира:

*ісѣ, Іс имя є євренско, а толкується ісѣ спсѣ,
ісѣ наввинъ, т. спсѣ мирнын (* навва, мирнын – Ковтун
1989: 195, 201, 231).*

Словарная статья «Иисус» опосредованно соотносилась в азбуковнике со словарной статьей «Христос», поскольку именная формула *Гсѣ хсѣ* выражала суть христианства:

хсѣ, помазанникъ, хрѣсти глѣются царне, іерее, мазаху бо ся стѣмъ масло, от рога на глѣву изливаему, глѣт же ся гѣ хс, еже и црѣ, яко іереи, принесе бо ся са жертва за ны, помаза бо ся и тон в реснотѣ истиннымъ масло стѣго дха дѣнствова, кто бо ннѣ имѣ дхѣ, яко гѣ, во стѣхъ ѹбо блгѣть стѣго дха дѣнствова, во хсѣ же не дѣнствова блгѣть дха, но хс гѣ со дхо^{мъ} единосущенъ, истинною содѣя чудеса. (ма^а то^{ковое}) (Ковтун 1989: 273) (* ма^а то^{ковое} – ссылка на полях на Толковое евангелие Феофилакта Болгарского).

В грамматике Смотрицкого, ориентированной не только на достижение понимания воспроизводимых библейских и литургических текстов, но и на порождение новых текстов, особое внимание уделялось грамматическим параметрам имени *Иисус*. Смотрицкий, рассматривая имя *Иисус* только как пречестное х^а Г^{да} ім^а, решал проблему тезоименности на уровне формантов, приводя нормативную парадигму, маркером которой являлись флексии в Д. ед. Имя *Иисус* получало в Д. ед. помимо стандартной флексии -Ѹ нестандартную флексию -ови и оказывалось грамматически соположено существительному Г^{дѣ}, имевшему нестандартную флексию -ѣви, и тем самым противопоставлено всем остальным многосложным существительным мужского рода, имевшим только нормативную флексию -Ѹ:

ИисѸс/пречестное х^а Г^{да} ім^а/ ѡвогда скланѣется правилнѣ, Тс, Тса, ТсѸ/ или Тсови, Тса, Тсе, Тсомъ, ѡ Тсѣ (Смотрицкий, л. 56 об.).

В составе именной формулы *Иисус Христос* имя *Иисус* могло не склоняться, что подчеркивало нераздельность номинативной единицы, выражающей суть христианства:

спсительномѸ имен^н хс, припражено пребываѣетъ йногда нескланѣемо йакѡ/ Имен^н: Тс хс, Ро^а: Тс х^а, Да^т: Тс хѸ, Вн^н: Тс х^а, Зва^т: ѡ Тс хѣ, Тво^о: Тс хомъ, Ска^з: ѡ Тс хѣ (Смотрицкий, л. 56 об.).

Идеосемантическую нагруженность получало и существительное *Слово*, когда обозначало Бога-Сына, т.е. приобретало функцию имени собственного. Согласно богословскому толкованию, Бог-Сын называется *Словом* потому, что относится к Отцу, как слово к уму, не только по бесстрастному рождению, но и по соединению с Отцом и потому что являет Его. Соответственно лингвистическая рефлексия была направлена на проблему формальной дифференциации имени собственного и имени нарицательного. Славянские книжники использовали для регла-

ментации употребления *Слова* как имени собственного и *слова* как имени нарицательного грамматические параметры – варианты парадигмы и особые флексии. Так, собственное имя получало формы косвенных падежей без форманта *-ес-*, а нарицательное имя употреблялось в косвенных падежах с формантом *-ес-* (Успенский 2002: 38).

Кроме того, в грамматических позициях **В. ед.** и **З. ед.**, в которых происходила нейтрализация парадигм, поскольку употреблялись только формы без *-ес-*, допускалось расширение состава нормативных формантов. Смотрицкий представлял для лексемы «слово» нормативную парадигму ед. числа с формантом *-ес-*, однако сопровождал ее примечанием, в котором предлагал особое правило склонения имени собственного: в **В. ед.** наряду с флексией *-о* допускалась флексия *-а*, в **З. ед.** наряду с флексией *-о* допускалась флексия *-е*. При этом Смотрицкий толковал флексии *-а*, *-е* как показатели мужского рода, что позволяло, во-первых, рассматривать *Слово* в одном грамматическом ряду с именами **Гѣдь/ Бгѣь/ Ѡцѣь / Снѣь/ Дхѣь** **С:** **Ҁс/ хс/ Спсѣь** и, во-вторых, демонстрировать грамматическое тождество греческого и церковнославянского языков:

словесѣ, слово; словесѣ, словеси, слово, слово, словесѣмъ, словеси

*Слово: ѣгда превѣчное Бга Ѡца Слово знаменѣтъ/ внищательный ѣ звателный сѣгѣвь прие*летъ, сѣ естъ средня рода ѣ мужеска/ Слово ѣ Слова: Слово/ ѣ Слове (Смотрицкий, л. 52).

Тот же состав флексий и то же толкование имен *Иисус* и *Слово* были представлены в грамматиках 1648 и 1721 гг.

Поликарпов в *Художестве грамматическом* также допускал для лексемы «слово» варианты парадигмы ед. числа, однако сопровождал парадигмы особым примечанием. В отличие от Смотрицкого Поликарпов представлял для имени собственного только особые флексии в **В. ед.** и **З. ед.**, т.е. флексии *-а* и *-е*, которые он толковал как показатели одушевленности, что также позволяло рассматривать *Слово* в одном грамматическом ряду с именами существительными **Гѣдь/ Бгѣь/ Ѡцѣь / Снѣь/ Дхѣь** **С:** **Ҁс/ хс/ Спсѣь**, однако указывало уже на грамматическую особенность церковнославянского языка по сравнению с греческим языком.

слово; слова, словесѣ; словѣ, словеси; слово; слово; словомъ; словѣ, словеси.

*Слово, ѿгда превѣчное Бга оца слово знаменуетъ, винительный, и звателный, образомъ ѿдшевленныхъ полагається, ѿкѡ тогѡ слова, ѡ словѣ (Поликарпов: 122).

Идеосемантические особенности божественных имен получали выражение на письме, поскольку они писались под титлом в соответствии с установкой «что покрыто пишется, то сто» (см. подробно: Успенский 2002: 314–315):

Била соуществѣ книжнаго писма:

Иса сна бжїа и спса и содѣтелъ мирѣ, и гда всемѣ по всемъ поа в зметоу пиши. Исуса сына наввина, и исуса сирахова и ины исусы складоу пиши ... (Ягич 1896: 423);

Грамматіки Славенскїа правнаноу Фунтагма:

У Тїтлѣ и ѡ Словотїтлѣ... ѡпотребляемѣ бѣѣ Ѱ Калїграфѣ бываюу / ѣ самыхъ точїю именѣхъ Божїихъ, и Божїей чести слѣжашїихъ: ѿкѡ, Гдѣ / Бгѣ / Ѱцѣ / Бнѣ / Дхѣ С: Ис / хс / Спсѣ / Два / чгала / Бца / Мрїа / Црковѣ / Бггаїе, Блице првѣное хс: и проу (Смотрицкий, л. 19 об.).

Особое внимание славянские книжники уделяли словесным формулам, представлявшим молитву как путь возведения человека к Богу, т.е. содержание этих формул требовало особой «прозрачности» языка, т.е. не допускало омонимии и синонимии.

Рефлексия книжников над словесной формулой **Млтвами бца спси на** была направлена на разрешение проблем грамматической омонимии, представленной в грамматической форме **бца**. В церковнославянском языке у существительных женского рода с основой на шипящий и **ц** возникала омонимия форм Им. ед., Р. ед., Им.– В. мн., закрепленная на письме отсутствием дистрибуции букв **-а**, **л**. Стремление снять омонимию Им. ед. и Р. ед. мотивировало употребление в Р. ед. не книжной формы с флексией **-ы** (и), однако такая замена в рамках церковнославянского языка порождала омонимию Р. ед. и Д.–П. ед. В словесной формуле **Млтвами бца спси на** употребление формы, задающей омонимию Р. ед. и Д. ед., приводило к недопустимому искажению смысла молитвенного обращения, на что и обратил внимание анонимный автор трактата **Кнїга гл҃емага бѣквы грамотїчнаго оученїа**:

Млтвами бца спси на, а ѣже рещї, бѣцы. То ес датеѣно (Грамматический сборник 2002, л. 40).

Представленная в том же трактате лингвистическая рефлексия над словесной формулой **Спаси бже люди своа** была направлена на снятие грамматической синонимии, возникающей при семантическом неразличении притяжательных местоимений

«твой»/«свой» (см. также: Запольская 2006: 70–78). В качестве дифференцирующего признака притяжательных местоимений «твой»/«свой» автор трактата рассматривал тип высказывания, в формировании которого участвовали местоимения.

Высказывание, представляющее собой молитвенное обращение к Богу (молебное ϵ^c о людех $\overline{\text{глётсѡ}}$), строилось на семантической соотнесенности формы повелительного наклонения и притяжательного местоимения «свой»: местоимение «свой», с одной стороны, снимало формальную избыточность в выражении субъекта-адресата, на который однозначно указывала глагольная форма, а с другой стороны, усиливало идеосемантику – значение интимности молитвенного приобщения к вере. Основными жанрами, реализующими данный тип высказывания, являлись псалом, молитва, тропарь, кондак.

В высказывании, представляющем собой повествование для Бога или для человека (повѣдате^{но} о людех $\overline{\text{глётсѡ}}$), употреблялись формы изъявительного наклонения и притяжательное местоимение «твой»: разный характер субъектов требовал их формального выражения и в глагольных, и в местоименных формах. Основными жанрами, использовавшими этот тип высказывания, являлись Евангелие, проповедь, житие.

Спси люди своѡ, или твоѡ, ино ест^т и ино. Первое молебное ϵ^c о людех $\overline{\text{глётсѡ}}$ ϵ^* **Спси люди своѡ.** Второе* повѣдате^{но} о людех $\overline{\text{глётсѡ}}$, еже спсоша люди твоѡ. Тѣмже достонть на^н рас^сужда^т еже гдѣ рещи своѡ, или твоѡ (Грамматический сборник 2002: 98).

При синтаксическом подходе, использованном автором грамматического трактата, внимание носителей языка было сосредоточено на ситуативных и жанровых задачах (см. подробно: Гаспаров 2003).

Другим дифференцирующим признаком выступал формальный характер субъекта, что требовало строгого различения местоимений по лицам вне зависимости от типа высказывания, в котором эти местоимения употреблялись. Такой подход, отражавший влияние греческого языка на церковнославянский язык, был использован в процессе книжной sprawy, осуществленной Максимом Греком в XVI в. и никоновскими справщиками в XVII в. Соответственно, в результате никоновской sprawy в рассматриваемой словесной формуле местоимение «свой» было последовательно заменено на местоимение «твой»: **Спаси бже люди своѡ** -> **Спаси бже люди твоѡ** (см. подробно: Успенский 2002: 459–461).

Внимание славянских книжников было также сосредоточено на правилах правописания глагольной формы в словесной формуле **Спаси бже люди своа**. Глагольная форма могла быть написана без титла и под титлом, поскольку конкурировали два орфографических правила: в соответствии с одним правилом под титлом писались только имена, а в соответствии с другим правилом под титлом писались и имена, и глаголы:

Била соуществѹ книжнаго писма

... спсого ѿма, спсть, спсе, спсєніє наше ... покрыто пиши.

А бже спаси бже люди своа, і спасє насъ і спасти і спастіса і спасаєтъ вса таковаа складомъ пиши і смотри ѡ сихъ прилѣжно... (Ягич 1896: 426).

Начало книзѣ глемея гра^мматіка:

Титло полагаєтса ... не токмо на^а імены, но і на^а рѣчми...

Книга глемега бѣквы гра^ммотічнаго оученіа:

Спси люди своа (Грамматический сборник 2002: 171).

Исследование славянской лингвистической рефлексии, направленное на «раскрытие» базовых христианских словесных формул, позволило, с одной стороны, выявить семантику и идеосемантику отдельных языковых элементов, а с другой стороны, определить лингвистические стратегии XVI–XVII вв.

Литература

Абаев 1934 - *Абаев В.И.* Язык как идеология и язык как техника // Язык и мышление. М.; Л., 1934.

Ассман 2004 – *Ассман Ян.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

Гаспаров 2003 – *Гаспаров Б.* Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах (К вопросу о природе грамматического значения) // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5).

Грамматический сборник 2002 – Грамматический сборник 1620 г./ Издание и исследование Е.А. Кузьминовой. // *Aion – Slavistica. Annali dell’ Istituto universitario Orientale di Napoli.* 2002. № 1.

Запольская 2003 – *Запольская Н.Н.* «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М., 2003.

Запольская 2006 – *Запольская Н.Н.* Толкование словесных формул христианской культуры в славянских лингвистических сочинениях XVI–XVII вв. // Словесные формулы славянского мира: метатеория и эмпирия. М., 2006. С. 70–78.

Запольская 2007 – *Запольская Н.Н.* Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры // Имя. Семантическая аура. М., 2007. С. 133–150.

Ковтун 1989 – *Ковтун Л.С.* Азбуковники XVI–XVII вв. Л., 1989.

Поликарпов 2000 – Федор Поликарпов. **Техноло́гія.** Искусство грамматики // Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб., 2000.

Смотрицкий 1619 – **Грамматіки Славѣнскія правільное Сѣнтагма Мелетіа Смотрискогѡ. В Сѣе. 1619** // М. Смотрицкий. Грамматика. Київ, 1979.

Успенский 2002 – *Успенский Б.А.* История русского литературного языка. М., 2002.

Ягич 1896 – *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Berlin, 1896.